

Е.А. Комаровский, к.и.н., Москва

В.П. Вирб, Москва

К 50-ЛЕТИЮ ПЕТРА ФЕДОРОВИЧА КОСМОЛИНСКОГО

Полвека... Звучит значительно. Видимо, это много. И немного одновременно. Главное в жизни давно определено, поставлены цели, сложился ее уникальный образ. Накоплены опыт и мудрость. И еще довольно есть молодости для новых свершений, в соответствии с этой зрелостью духа.

Мы встретились с Петром Федоровичем Космолинским на самом пороге его пятидесятилетнего юбилея, с намерением вызвать на откровенность и поговорить немного об этих прожитых им пяти десятилетиях, о настоящем, о планах на будущее.

Петр Федорович Космолинский – известный мундировед, гербовед и геральдист, историк и художник, председатель Военно-исторического клуба Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, член Экспертного совета по генеалогии и геральдике Российского Дворянского Собрания, член Московского союза художников, лауреат художественных конкурсов и просто неординарная творческая личность.

По собственным своим словам, Петр Федорович всю жизнь занимался не тем, чему его учили. Например, на уроках в школе вырезал солдатиков – из бумаги, дерева и пенопласта, – иногда по сорок штук за урок. Оту-чившись в Строгановском училище, где его учили на дизайнера, по специальности не проработал ни дня. Но полученные навыки – основы рисунка, живописи и скульптуры, формовки и литья – пригодились в создании военно-исторической миниатюры, называемой в просторечии оловянными солдатиками. Информации об этом искусстве не было тогда в стране никакой, и Петру Федоровичу пришлось, образно говоря, заново «изобретать велосипед». До очень многого приходилось доходить логически или эмпирически, при полном отсутствии учителей, по косвенным описаниям в изредка, с большим трудом, добываемой литературе. Также не было у него учителей ни в той области истории, какой он занимается – военной униформологии, ни в геральдике. Все приходилось открывать для себя заново, как «ежику в тумане».

На вопрос если не об учителях, то хотя бы кумирах, авторитетах, примерах для подражания, Петр Федорович смеется:

– В детстве я обожал Наполеоновские войны, и в частности Дениса Давыдова. Тем не менее, гусаром я не стал, позтом тоже. А он не был ни историком, ни художником. Очень тепло я отношусь к Леонардо да Винчи, но разве он когда-нибудь занимался русской униформологией? Да и я не живописец. Геральдика Джурера вызывает восхищение, но что он мог знать о российской геральдике XVIII-XX веков?

Интерес к геральдике возник у Петра Федоровича еще в детстве, когда в возрасте десяти лет он увидел польский фильм «Крестоносцы». А так как и фамилия «Космолинские» польского происхождения, стал наводить справки у собственной родни об истории своих предков. Однако родовой герб обнаружился уже много позднее и почти случайно, когда среди доставшейся по наследству от старших родственников переписки нашлась открытка с оттиском печати на сургуче с гербом, носящим в польской геральдике название «Радван». Открытка была послана в 1916 году на Пасху старшей сестрой деда младшему брату Николаю Космолинскому, погибшему во время гражданской войны.

К сожалению, прямых и подробных сведений о семье в официальных источниках не сохранилось. Затрудняет поиск и то, что в первой четверти XIX века фамилия была изменена – с какой, есть лишь семейная легенда: прапрадед Петра Федоровича, учившийся в 1824 году в семинарии, носил фамилию Камзолинский. Однако, ректору семинарии такая мирская и грубая фамилия не понравилась, и в семинарии молодому священнику дали другую (обычная практика), более «благозвучную» – Космолинский, от греческого слова «cosmos» – порядок, красота, гармония, так как по преданию первый Космолинский был красавцем, и к тому же тяготел к порядку, доходящему, вероятно, до педантизма – последняя фамильная черта прослеживалась и в дальнейшем, как минимум, до отца Петра Федоровича, Федора Петровича Космолинского, которому фамилия практически предрекла судьбу – Федор Петрович авиационный и космический врач, вице-президент Академии Космонавтики им. К.Э. Циолковского. Но увы, документальных оснований легенде скорее всего уже не найти. По запросу в Саратовскую епархию, которой принадлежала семинария, пришел ответ: «Архив уничтожен, и не нами».

Женской линии в данном случае повезло больше, и изучена она Петром Федоровичем гораздо лучше. Прадед – Иван Иванович Цепелёв с 16 лет состоял на военной службе в 6-м пехотном Либавском полку. Окончил Казанское юнкерское училище, потом командуя ротой прошел Русско-турецкую войну 1877-78 гг., переход через Дунай, оборону Шипки, Плевну, взятие Ловчи. Предок отличался бесстрашным нравом, и пока не был ранен, всего за 25 дней, проведенных на театре боевых действий – от Зимницы до Плевны, успел получить четыре ордена: Св. Анны 4-й степени на шашку с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны 3-х степеней с мечами и бантами, и румынский Железный крест. Последним местом службы полковника Ивана Ивановича Цепелёва была должность уездного воинского начальника в Ковеле, в западных губерниях России. Получил еще три ордена и три медали, по состоянию здоровья вышел в отставку за год до получения генеральского чина, и умер в 1912 году. Став капитаном, Иван Иванович женился на дочери подполковника Евсевьева, также из дворян Казанской губернии, Вере Александровне. Мать Веры Александровны была последней представительницей древнего боярского рода Теглевых. От этого брака у супругов родились пятеро сыновей и три

дочери, младшая из которых, Мария Ивановна, была родной бабушкой Петра Федоровича.

О ней, о Марии Ивановне, хочется рассказать особо. В 1912 году окончила Казанский Родионовский институт благородных девиц, потом – ряд различных курсов. Вышла замуж в ноябре 1914 года за военного врача Бориса Александровича Ивановского. Чтобы быть рядом с мужем, она закончила сверх всего и курсы сестер милосердия и поехала на фронт. В 1917 году у них родилась первая дочь Наталья – мать Петра Федоровича и его старшего брата Бориса.

Именно бабушка, по словам Петра Федоровича, имела огромное влияние на своих внуков, воспитывая их в старых, добрых, к сожалению, дворянских традициях. К сожалению, так как очень трудно жить воспитанным человеком в современном обществе, что оба брата прочувствовали на своем опыте впоследствии.

– Когда я думаю о своих предках, читаю их письма, – говорит Петр Федорович, – я начинаю понимать, сколь великой была трагедия этих людей. Война, революция – все их планы рухнули, все, что они знали, умерло, они оказались чужими в этом мире, воспитанные для другого, с другой системой координат и представлений. И вдруг оказались, «без руля и без ветрил»...

Семейная жизнь Марии Ивановны и Бориса Александровича завершилась разрывом в 1931 году. Борис Александрович занимал высокие посты в Главном Санитарном управлении Красной армии (до 1923 г., носил два ромба) и Наркомздраве, в 1935 году стал профессором, разработал систему лечебной физкультуры, первым заявив о ее значимости для здоровья человека. А в 1941 году, в возрасте пятидесяти лет, умер после неудачной операции на аппендицит. По официальной версии, от перитонита, версия неофициальная куда хуже.

Есть в истории семьи и почти курьезные моменты. Брат жены прадеда, одного из священников Космолинских, Сергей Николаевич Розанов был депутатом третьей Государственной Думы от «террористической» партии эсеров. И в 1905 году, шурина-протоиерею пришлось освобождать неугомонного родственника из-под стражи под залог в пять тысяч рублей. Розанов был в то же время и капиталистом-миллионером, и прекрасным врачом, имел обширную частную практику, основал собственную больницу, первую в Поволжье лабораторию, оборудованную по последнему слову медицинской техники, в Царицыне ему принадлежало 17 домов. Потом случилась революция. А Великая Отечественная и вовсе превратила Царицын-Сталинград в груды развалин, в которых погибли во время немецкого прорыва в сентябре 1942 года бабушка и прабабушка (сестра С.Н. Розанова) Петра Федоровича. Никольскую церковь, где служил прадед, снесли еще раньше. Сам прадед погиб в 1919 году, по опять-таки официальной версии – загрызен собственным котом. Наверное, иногда и такое бывает. Однако почему-то его сын Петр, занимавший видный медицинский пост в Красной армии, оказался после этого добровольцем у Врангеля...

Что же касается личной истории, Петр Федорович делает солдатиков сколько себя помнит. Детское увлечение переросло в серьезное занятие военной историей, униформологией, фалеристикой и прочими «сопутствующими» направлениями исторической науки.

Первым в изучении истории униформы русской армии Петра Федоровича поддержал друг отца, также врач, Игорь Петрович Шинкаренко. Тема в те времена была непопулярной, доступ к ней был даже не то, чтобы затруднен, а словно бы и вовсе не предполагался. Узнав об увлечении подростка солдатиками, он подарил ему первую в его жизни серьезную книгу по военной истории – «Отечественная Война и русское общество», 1912 года издания. Поначалу Шинкаренко несерьезно относился к оловянным солдатикам, считая лучшей формой для подачи любой информации таблицы. Но когда он увидел этих «солдатиков», то воскликнул: «Это же уже таблица!» Настолько точным и наглядным было на них представление информации. С тех пор он старался оказывать молодому солдату всю возможную помощь, какую мог – находил информацию, знакомил с людьми, но, к сожалению, в скором времени умер. И Петр Федорович снова оказался в «подвешенном состоянии» непонимания и неизвестности. Был 1979 год.

Однако, понемногу, состоявшиеся знакомства сыграли свою роль – нашлись корреспонденты и появилась наконец первая статья об оловянном воинстве, называвшаяся, как ни смешно, «Пластилиновая армия».

И после публикации вдруг обнаружилось, что существует множество людей, которых объединяет любовь к военной истории, униформе и солдатикам. Появился целый ряд публикаций, и пошел поток писем со всего Союза. И вот результат: созвонившись и познакомившись с некоторыми из москвичей, Петр Федорович пришел к идее создания клуба, общества по интересам, которое и возникло впоследствии при Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры. На организационное собрание пришли человек двадцать, из которых никто никого кроме Петра Федоровича не знал. Так в 1982 году появилась Военно-историческая комиссия, разросшаяся потом в Военно-исторический клуб, объединивший самые разные направления изучения военной истории, включая и небезызвестные «группы реконструкции», устраивающие красочные праздники – ежегодные «сражения» на Бородинском поле и в других местах отечественной и мировой боевой славы. С тех пор появилось множество подобных клубов по всей стране, но первый прорыв был совершен той самой Военно-исторической комиссией, где энтузиасты обменивались опытом, информацией, читали лекции и собирали конференции, организовывали первые военно-исторические выставки. Немалая часть жизни Петра Федоровича положена на создание и развитие всего этого движения.

13-я выставка Молодых художников в Манеже, в 1983-1984 гг. дала Петру Федоровичу звание лауреата. Он принес на выставку 70 фигурок, хотя требовалось не больше трех работ. В оргкомитете же заявили: «Берем все! Если сделаете сами себе витрину». После этого последовало приглашение в ЦК ВЛКСМ, где решено было помочь с выставками. В об-

щей сложности их было до настоящего времени более 200. Петр Федорович объездил буквально весь Союз – с севера на юг и с запада на восток. Были и зарубежные выставки – в Австралии, Франции, Финляндии, Италии, Бельгии, Чехословакии. Самих солдатиков создано более двух тысяч.

Потом пришла и профессиональная геральдика. Схема и стиль рисунков появились в феврале 1990 года. Срисованный с печати на письме родовой герб Космолинских стал первым из серии. С тех пор нарисовано уже более 1200 изображений гербов. В среднем 120 рисунков в год – два герба в неделю.

Начиналось все с гербов так или иначе родственных Космолинским дворянских фамилий, гербов родов добрых знакомых. Потом шли гербы тематические – например, по заказу Калининградского музея мирового океана – подборка гербов русских мореплавателей, почти сотня рисунков. Основной принцип отбора гербов для изображения: *«главное, чтобы герб был интересен»*.

Геральдические выставки начались уже с 1991 года, *«начав рисовать, я просто не мог остановиться, ища и открывая все новые и новые глубины»*. Появлялись новые люди, новые концепции, но Петр Федорович предпочитал классическую геральдику, вместо того, чтобы идти по простому пути, изобретая собственные правила, ведь прежде всего он – историк. Его интересуют корни. С признательностью вспоминает он чешского историка, доктора Душана Углержа, директора музея-дворца князя Кауница в городе Славкове-у-Брно (он же знаменитый Аустерлиц), у которого он гостил в 1983 году, и который много поведал ему об общеевропейской геральдике. Чехи считают свою геральдику наиболее древней, исконной, хотя таковой же считается и французская. Польская система вообще уникальна – там не герб принадлежит роду, а множество родов – гербу, носящему свое собственное имя, как единому знамени. У всех свои принципы.

Что же касается современных гербов, Петр Федорович их не особенно любит, даже нарисованные им самим. Почему? Сделаны, чаще всего, не по традиционным правилам. Герб банка Москвы, герб Китова – нарисованы по чужим разработкам.

– Работая в рамках своего понимания геральдики, я получаю гораздо больше удовлетворения. Тут можно рассказать о гербе А.Л. Бугаева-Понятовского. Последний мне его не заказывал, один вариант герба уже был разработан и нарисован коллегами. Но мое понимание того, что должно быть в таком гербе, весьма отличалось от первого варианта. Вопреки идеям, которые высказал сам Бугаев, у меня родилась своя концепция его герба. И при моей любви к историческим правилам, я создал для него свой вариант герба по нормам общеевропейской геральдики.

В результате, в основу композиции лег родовой герб князей Понятовских, в качестве щитодержателей использованы два наиболее значительных исторических лица из этого рода – король Станислав Понятовский и князь Йозеф Понятовский, маршал Франции. Намек на значимость рода в российской и польской истории отражен в изображении разъединенного

черно-белого орла. Отмечена и связь с монгольской легендой о хане Бугае – в герб внесен мотив лежащего «бугая» из родового герба Бугаевских. Всевидящее око попросим не путать с масонским знаком – это знак судьбы, провидения Божьего, на кое уповает владелец герба. По желанию Бугаева-Понятовского в четвертое поле были внесены три золотые лилии – родовой герб баронов фон Бишопинк, этот титул был недавно пожалован армигеру. На шлемах – основные фигуры щита, на ленте под щитом – девиз о всеобщем братстве. Княжеская мантия с сенью – обозначение титуляции «Светлейшего князя» Бугаева-Понятовского.

– Такие гербы интересны как игра, как шарада. Они создаются даже с юмором. Но чем больше юмора, тем, на самом деле, серьезнее геральдика.

Откровенных последователей и учеников, по мнению Петра Федоровича, у него нет, так же как реальных учителей.

– Однако, видимо, «бешеным» количеством рисунков, – замечает он весьма самокритично, – я все-таки оказываю какое-то влияние на людей.

Есть в этом и заслуга журнала «Гербовед», сравнительно небольшим тиражом, но постоянно публикующего рисунки Космолинского, и даже научные статьи, например «Герб с дверцы кареты» - исследование о неизвестном гербе известнейшего фельдмаршала князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, «опознанного» лишь по латунному украшению катафалка, присланному из Франции Петру Федоровичу крупным военным историком Владимиром Владимировичем Звегинцевым для атрибуции как, по предположению, герб неизвестного польского князя. С подачи «Гербоведа» 32 рисунка гербов российских генерал-прокуроров, в исполнении Петра Федоровича Космолинского, попали в книгу «Под сенью русского орла». В «Гербоведе» увидели свет и серии гербов Московских генерал-губернаторов и Московских предводителей дворянства, составляющие вкуче около 120 гербов кисти Петра Федоровича.

В настоящее время создаются серии гербов русских фельдмаршалов – около 50 гербов, и героев войны 1812 года – около 500 гербов. Примерно 30 из первой серии и 300 из второй уже сделаны. Существует и проект «Неизвестные, незарегистрированные гербы и апокрифы» – с памятников, фронтонов, печатей, пуговиц. Таких гербов очень много. Хозяев их определить порой очень непросто. Но это не значит, что они неинтересны – совсем наоборот.

– Петр Федорович, есть ли у вас какое-то жизненное кредо, некий постулат, ведущий по волнам жизненного моря?

– Вряд ли это можно назвать «кредо». Просто стремление к Справедливости, к Правде – что должно быть созвучно любому настоящему историку. Да и в более широком смысле, есть такой девиз рыцарства: «Делай, что должен, и будь, что будет».

Все остальное не имеет значения. Все остальное – от лукавого.

Август, 2000 г.